

Комм. п. бр

КРУПНЫМ ПЛАНОМ — МЫСЛЬ

О воплощении образа Ленина на экране в беседе с нашим корреспондентом размышляет лауреат Государственных премий СССР, Герой Социалистического Труда киносценарист Евгений ГАБРИЛОВИЧ.

— Биографическая хроника, десятый том которой недавно вышел в свет, включает гигантское количество фактов и событий, связанных с именем Ленина. Подобные издания, по-видимому, достаточно полно отражают жизнь и деятельность вождя. В чем же, на Ваш взгляд, Евгений Иосифович, различие между задачами, стоящими перед биографами, и целями художника, который обращается в своем творчестве к образу Ленина?

— Биографов, в первую очередь, интересуют масштабные события, важные даты, имена... Искусство же волнует не только историческая значимость фактов. Художник стремится как можно глубже проникнуть во внутренний мир великого человека. Только искусство способно освоить то многообразие духовной жизни, которое немислимо отразить в каком бы то ни было научном труде.

Как человек, воспитанный на реалистических традициях литературы, я считаю, что люблю, даже крупного, самого гениального героя нельзя писать, не понимая его характера, его человеческой сущности, всех тех сложностей, переживаний, которые обрушиваются на каждого из нас в жизни. У меня иногда возникает впечатление, что некоторые наши кинематографисты предпочитают следовать такому неписаному правилу: у великого человека не должно быть никаких колебаний, он все знает заранее, а результат всегда известен ему. Мне же хотелось, чтобы зрители осознали: каждое решение Владимира Ильича было связано с массой самых мучительных раздумий, самых сложных переживаний.

Художник, работающий над ленинской темой, бесспорно, обязан отлично знать биографию Владимира Ильича. Но одного знания фактов недостаточно.

Образец в жизни и образец в искусстве — понятия неравнозначные. Да, Ленин — величайший жизненный идеал для миллионов людей. Но каждый находит в его характере что-то особенно дорогое для него самого. Поэтому, на мой взгляд, и в искусстве не может существовать единого общепризнанного образца для воссоздания личности Ленина. Художник рисует своего Ленина, вкладывая в эту работу все то, что он передумал и перечувствовал в жизни.

верное соотношение между исторической точностью и степенью художественного вымысла?

— Надо исходить, на мой взгляд, из правды характера и возможной, подчеркиваю, возможной истинности событий.

Многого из того, что происходило в «Последней осени», поставленной С. Юткевичем, на самом деле не было. Известно, что в Горках за Владимиром Ильичем ухаживала медсестра Саша. Но история с ее женихом, от которого больной Ленин узнает о расколе в партии (близкие скрывали от Владимира Ильича все, что могло его разволновать), полностью мною придумана.

Значит ли это, что мы изменили исторической правде? Думаю, что нет. Это был отказ лишь от мелкого правдоподобия, но, как мне кажется, мы остались верны правде ленинского характера. Я твердо уверен, что художник, в основном опираясь на конкретные исторические факты, имеет право на вымысел. В противном случае он лишается возможности использовать весь арсенал художественных средств. А ведь он создает не хроник, а художественную историю и времени, и человека. Одно из моих правил заключается в том, что я работаю в рамках известных событий, но внутри их я свободен. Это та самая необходимая свобода довоображения, додумывания каких-либо эпизодов, которые не имеют документального обоснования, но которые определяются правдой характера и, значит, могли бы происходить в жизни. Конечно, это утверждение может показаться спорным, но я готов его отстаивать и защищать.

Действительность многообразна и бесконечна, и всего показать в одном произведении просто невозможно. Зрители заскучают от утомительного перечисления фактов и имен. По-моему, совсем не обязательно включать в ленинские картины широкую историческую панораму. Так же, как для любого другого сценария, для сценария фильма о Ленине нужно отбирать самые острые драматические моменты.

— Вероятно, Вы имеете в виду не только остроту событий сюжета, но и драму идей...

— Безусловно. Недавно мы с тем же Сергеем Иосифови-

чем Юткевичем закончили сценарий, над которым работали очень долго. Он называется «Ленин в Париже». Действие происходит в 1908 — 1912 годах. Казалось бы, ничего особенного в это время в жизни Ленина не случилось... Ленин — в эмиграции, круг его деятельности и общения весьма ограничен. Он занимается в библиотеке и пишет статьи. Но подумайте: совсем недавно разгромлена революция 1905 года, в России — столыпинская реакция, все малочисленные ряды революционеров, эмиграция погрязла в распрях... И в такой чрезвычайно сложный момент разброда и шатаний в Париже, на улице Мари-Роз, живет человек, который не только по-прежнему свято верит в победу революции, но и продолжает бороться за нее.

Мы писали сценарий «Ленин в Париже», стараясь понять истоки потрясающей идейной стойкости Ленина, его негаснущей веры в победу. Когда мы работали над образом Владимира Ильича, именно эта вера была для нас путеводной звездой. Мы нашли столь необходимый нам драматический костяк в столкновении высокого устремления ленинских идей и суровой реальности, веры в правоту этих идей и безверия иных из его вчерашних соратников.

— А какими средствами, на Ваш взгляд, располагает художник для того, чтобы воссоздать масштаб личности Ленина? Какой путь для решения этой задачи избираете Вы?

— Фильмы о Ленине, в съемках которых я принимал участие, называют камерными, но ведь и незначительный, казалось бы, случай может говорить о многом.

В картине «Коммунист» режиссера Ю. Райзмана есть такой эпизод. Василий Губанов, кладовщик практически единственной тогда стройки в стране, отчаявшись раздобыть где-либо гвозди, проникает в Кремль к Ленину и просит Владимира Ильича помочь ему.

На наш взгляд, показывать Ленина, беседующего с нашим героем в такой момент о мировой революции и проблемах электрификации, было бы неуместно. Мы были уверены, что Владимир Ильич просто напросто попытался бы раздобыть эти самые гвозди.

Камерная сцена? Да, пожалуй. Но, по-моему, тот факт, что вождь революции сам занимается понсками гвоздей для крохотной стройки и никак не может их достать, говорит и о гражданской войне, и о разрухе, и о международ-

ном положении страны острее и точнее, нежели любые слова, которые сценарист мог бы вложить в уста Ленина. Зритель видит, что в то время, когда в России невозможно найти обыкновенные гвозди, Ленин участвует в обсуждении плана ГОЭЛРО. Это ли не отражает масштаб его личности?

Вторая сцена с участием Ленина была написана в «Коммунисте» так. Кулаки поджигают электростанцию, и герой нашего фильма Губанов погибает. Начальник строительства сообщает об этом Ленину. Он говорит о гибели Василия и напоминает Владимиру Ильичу о том, что Губанов как-то приходил к нему в понсках гвоздей.

— Не помню, — говорит Ленин. — Нет, не помню, — с печалью и упреком себе повторяет он.

Мне кажется, что именно это простое «не помню» лучше всего отражало ту массу дел, которыми занимался Ленин, то громадное количество людей, с которыми он встречался и которым помогал. И я уверен, что в том, как горько произносил наш Ленин «не помню», было великое почтение всех тех, кто погиб за дело революции.

После первого просмотра этой сцены нас упрекнули в том, что она неверна, что мы своим «не помню» якобы принизили образ Владимира Ильича. Тогда эти доводы представлялись нам резонными, и в фильме вместо «не помню» Ленин произносит по телефону большую и серьезную речь. Но сегодня я вижу, что мы предпочли внешний ход внутренней эмоциональной силе скупого слова.

— Евгений Иосифович, Ваши фильмы о Ленине, по-видимому, можно назвать психологическими драмами. Но, наверное, существуют и другие жанровые подходы к художественному воплощению ленинской темы?

— Бесспорно. Иногда основное внимание некоторые уделяют остросюжетным ситуациям, чрезвычайным событиям.

И все-таки жизнь великого человека к одним лишь событиям не сводится. Существует жизнь духа. Пройти мимо этого, работая над образом Ленина, невозможно. Поэтому, мне думается, жанр драматической хроники весьма плодотворен, но он не исчерпывает всех художественных возможностей для воссоздания образа вождя.

— Евгений Иосифович, мы говорили о различных художественных методах работы над ленинской темой в искусстве. А что бы Вы могли сказать о том направлении, в котором развивается Лениниана в современном кинематографе?

— Если вы сравните Ленина в первых фильмах о нем и Ленина в более поздних картинах, вы увидите, как постепенно усложнялся художественный образ вождя, становился более сложным, одухотворенным, более эмоциональным.

Мне кажется, сегодня внимание художников привлекает сама ленинская мысль. Кинематографисты стремятся показать не только жизненные, житейские переживания Владимира Ильича, но проследить динамику, исследовать диалектику ленинской мысли, ее внутренний ход.

Современный человек не приемлет готовых схем и стандартов. Он хочет найти в самом, казалось бы, традиционном что-то новое. Цитата в искусстве уже никого не устраивает, потому что она — сформулированная точка зрения, готовый результат. Ни запросы аудитории, ни желания художников не могли бы реализоваться, если бы новые художественные средства нашего кинематографа не сделали возможным воссоздание внутренней, духовной жизни человека на экране.

Когда мы работали над картиной «Ленин в Польше», то столкнулись с необычными сложностями. Решено было сделать фильм-монолог, то есть картину, которая строилась бы как рассказ самого Ленина. Сразу стало ясно, что опираться здесь на цитаты немислимо. Тогда мы решили полностью сочинить этот монолог, используя ленинскую манеру говорить.

Сегодня кинематограф, который достаточно совершенно может изображать события и чувства, учится избирать мысль. Это очень сложно. Бывает так, что слово, изображенное графически, будучи произнесенным вслух, теряет силу своего воздействия. То, что вы прочтаете в книге с глубоким наслаждением, с экрана, весьма вероятно, может прозвучать невыразительно и сухо.

Впрочем, я думаю, что даже ленинские речи можно воплотить в кино. Но для этого нужна особая драматургия, которая продемонстрировала бы движение мысли Ленина. Современный кинематограф вообще и художники, работающие над ленинской темой, в частности, идут к постижению тайн такой драматургии. Только овладев ею, кинематографисты, на мой взгляд, смогут воссоздать образ вождя во всей его сложности и полноте.

Беседу вела Л. ТЕЛЕНЬ.